

Очевидец

Профессор Вильям Барабанов - о блокаде Ленинграда, подвигах тружеников тыла

Мой собеседник Вильям Барабанов, профессор Казанского национального исследовательского технологического университета, председатель историко-мемориальной комиссии вуза, вспоминает о Великой Отечественной войне. В детстве он провел в Ленинграде первую блокадную зиму.

- Вильям Петрович, где война застала вашу семью?

- Родился я в 1933 году в Ленинграде. 22 июня 1941 года мы были на даче в пригородном поселке Вырица. Родители, узнав, что началась война, сразу вернулись в город, а мы с сестрой остались на даче с няней. Не прошло и двух недель, как мы стали свидетелями налета немецкой авиации. В жаркий летний день десятки мальчишек и девчонок купались и загорали на пляже. Вдруг на горизонте показались самолеты, один из них на бреющем полете начал обстреливать детей. Самолет улетел, а по реке поплыли кровавые разводы... Так я впервые увидел страшное лицо войны. Мы поняли, что оставаться за городом опасно, и вернулись в Ленинград.

Июль - август - первые месяцы эвакуации. Уезжали многие наши родные и знакомые, кто сам по себе, кто с предприятиями. Первое время им подавали пассажирские поезда, потом уже рады были переполненным теплушкам. Много вещей с собой не брали, свято верили - скоро вернутся, враг очень быстро будет разгромлен. Мы никуда не уехали: мама, Анжела Вильямовна, не могла бросить своих больных - она была главным психиатром Ленинградской области, папа,

кусочки, ссыпали в кастрюльку, заливали водой и ставили на печку, где они долго варились. Потом сливали бульон в другую кастрюльку и ставили на холод, он застывал и был похож на холодец. Как же это было вкусно!

Я должен был пойти учиться, предварительно меня определили сразу в третий класс (помню точно - в 3-й «Б»). Но учиться не пришлось - школы не работали. Мы, дети, жили тяжелой блокадной жизнью: ходили за водой, поддерживали огонь в «буржуйках», дежурили во дворах, на чердаках, выстукали перед ранеными в госпиталях.

Наш папа имел бронь от призыва, но всю зиму работал на оборонном заводе, за пределы которого не выходил. Мы с сестрой Ариадной часто ночевали в кабинете у мамы в диспансере. Скоро она тяжело заболела и стала принимать больных сидя - сказались истощение и перегрузки. 29 марта 1942-го маму прямо с рабочего места увезли в госпиталь. На следующий день она умерла, но об этом мы, дети, узнали только через месяц...

Весна 1942 года. Начал таять снег, все, у кого хватало сил, вышли его убирать: дети с маленькими лопатками, взрослые с ломом. Под снегом находили много закопченных тел - мужчины, женщины, дети, рядом с ними - санки и ведра... По улицам ездил грузовые машины, собирали тела и увозили на Пискаревское кладбище. Всех в одну могилу. А потом сошел снег, появилась долгожданная трава. В Летнем саду выросла прекрасная майская крапива, на которую было много желающих. Переправа через Ладогу была восстановлена, повысилась хлебная норма. Родственников наших

ловы руками и ложились на пол, как будто это могло помочь при прямом попадании. Плавали туда-сюда, пока немцы не исчерпали свои ресурсы и не улетели...

На Большой земле нас встречало много народа. Помню церковь, где мы ночевали, манную кашу, которую нам дали на обед. В тот момент казалось, что нет ничего вкуснее на белом свете! Кстати, постоянное чувство голода не покидало меня еще примерно полгода. Потом был долгий, двухнедельный, с большими остановками переезд в переполненном пассажирском поезде в Пензенскую область. Здесь нас разыскал папа. Затем Казань, где папа в свое время окончил политехнический институт. Здесь у теток оставили мою сестру, а мы с отцом отправились в Ереван, по месту его назначения, затем в Крым, где мы с ним встретили Победу. Там папа тяжело болел тифом. После выздоровления он получил направление в Казань, и мы воссоединились с сестрой Ариадной.

- Как сберець память о подвиге участников и детей войны, Вильям Петрович?

- Во-первых, помнить об этих людях, писать о них, говорить. И второе - мы должны рассказывать, как жили в военные годы. Фронтowych историй много, представить себя на фронте современному молодому человеку трудно. Молодежи важно знать, как люди жили, работали, учились в родном городе, в родном институте, чтобы нынешние студенты понимали, как себя вели в тех условиях их сверстники. Чтобы могли спросить себя: «А я смог бы так?» Работать много часов в мастерских, а потом идти учиться, причем учиться хорошо. Затем помогать в госпитале, а потом еще заниматься

комсомола, однако там всем сказали: «Нет, учитеесь и работайте». На первых порах в действующую армию из института призывали только обслуживающий персонал и рабочих - тех, кто не был напрямую связан с образовательной деятельностью. Мобилизовали лишь тех студентов, которые перевелись в военные учебные заведения.

В первый год войны предполагался ускоренный выпуск студентов, однако это решение почти сразу отменили - оборонным производствам требовались полноценные, высококвалифицированные специалисты. Поэтому занятия шли в обычном режиме. Выпускники первых военных лет сразу направлялись на эвакуированные в тыл предприятия. Это помогло создать мощный потенциал в восточной части страны, благодаря которому Советскому Союзу удалось остановить наступающего противника, а затем победить в войне.

С 24 июня 1941 года и до конца войны были отменены все каникулы и отпуска, в первое же военное лето одних студентов отправили помогать колхозникам, других - на промышленные предприятия подменить призванных в армию рабочих. В Казань эвакуировали Ленинградский технологический институт вместе со всеми преподавателями и студентами, его объединили с нашим институтом. Осенью занятия начались не сразу, поскольку большой отряд из преподавателей, студентов и сотрудников был направлен на строительство оборонительных сооружений на той стороне Волги. Там они трудились до наступления морозов.

Поскольку в Казани был сосредоточен высокий научный потенциал, казанских, ленинградских ученых задействовали для участия в важнейших разработках по фундаментальной химии, создании новых технологий военных производств. Прозвучало предложение производить некоторые изделия в самом институте, используя местное сырье. И уже 1 декабря 1941 года было открыто спецпроизводство, где трудились преподаватели и студенты. Рабочий день в этих мастерских длился 12 часов. Выпуск специзделий продолжался до 1944 года.

- Слышала, что студенты не только работали в мастерских, учились, но и хозяйственные проблемы решали?

- Это правда. Рабочие и обслуживающий персонал вуза были мобилизованы, институт находился на полном самообеспечении. Поэтому преподаватели и студенты в годы войны занимались буквально всем - электричеством, отоплением, водоснабжением, трудились в гараже. Например, теплоснабжением и всеми связанными с ним службами командовал крупный ученый Герман Константинович Дьяконов - заведующий кафедрой теплотехники.

В Лаишевском районе был выделен участок, где студенты и сотрудники выращивали картофель, который потом поступал в столовую вуза.

При всех тяготах и сложностях военного времени была в институте и культурная жизнь. Студенческие бригады выступали в госпиталях для раненых.

Ближе к концу войны в вуз начали постепенно возвращаться с фронта преподаватели и студенты. Студенты-фронтовики очень хотели учиться. Впоследствии из них вырос целый отряд профессоров.

Мы помним о наших героях, о страшной войне и блокаде. Пусть наши внуки, правнуки тоже об этом помнят, знают, что нужно бороться за свою жизнь, за Родину.

Алла КАЙБИЯЙНЕН,
главный редактор газеты
«Технологический университет»
Казанского национального
исследовательского технологического
университета, заместитель
председателя информационной
комиссии профкома КНИТУ
Фото автора

Вильям БАРАБАНОВ

Петр Петрович, работал на закрытом заводе. Враг наступал с запада, город начал наполняться беженцами из Прибалтики, Пскова и Новгорода. Они были уверены, Ленинград обязательно выстоит.

В сентябре началась блокада, регулярные бомбежки днем и ночью. И это было очень страшно. Помню разрушенный Витебский вокзал, Мариинский театр, у которого рухнула стена, и с улицы были видны кресла зала... Во время одной из бомбежек пострадал наш дом, мы не смогли туда вернуться, переехали к родственникам.

- Расскажите о блокадной зиме...

- Зимой сократили норму хлеба до 125 граммов на человека. Преследовало постоянное чувство голода, ели все, что хотя бы отдаленно было съедобным. Деликатесом считались некрашеные серовато-белые сырмятные ремни. Нарезали их на мелкие

тому времени не стало, нас с сестрой отдали в детский дом. Папа был занят на заводе и смог нас забрать лишь некоторое время спустя.

- Но вас эвакуировали из Ленинграда?

- Да, 25 июня 1942 года наш детдом эвакуировали на Большую землю. На пригородном поезде с Финляндского вокзала нас привезли к Ладоге. Рано утром цепочкой, держась за руки, по шатким мосткам пошли к барже, пришвартованной к маленькому причалу. Предрассветный час, белые ночи, бело-серое небо. Все сели на лавочки, плотно прижавшись друг к другу, баржа отчалила. Только стали приближаться к берегу, как начался налет вражеской авиации. Существовало строгое правило: во время обстрела причаливать нельзя, в судно могло попасть противник. На барже начали стрелять наши зенитки. Мы закрывали го-

домашними делами, потому что старшие мужчины в семье ушли воевать.

Пока еще живы люди, помнящие это время, нужно зафиксировать их воспоминания, но чтобы они не пылились в архивах, а находились в максимальной доступности. Из свидетельств очевидцев складывается живая картина трудного времени.

- Какой была жизнь казанского вуза в годы войны?

- Казанский химико-технологический институт относился к Наркомату боеприпасов, поэтому обучение здесь проходило по специальностям, связанным с военной промышленностью. Студенчество массово занималось в кружках по радиоделу, парашютному спорту, стрельбе. Когда 23 июня состоялось общее собрание студентов и преподавателей, все сказали: «Идем воевать!» Кто-то пошел в военкомат, кто-то - в райком